

УДК 281.93
ББК 86.372
К44

В оформлении авантитула использована гравюра
Н.С. Иончаровой «Ангел»

Оформление переплета *Петра Петрова*

Кисляков, Спиридон, архимандрит.

К44 Исповедь священника перед Церковью / Архимандрит Спиридон (Кисляков). – Москва : Эксмо, 2018. – 274 с. – (Религия. Война за Бога).

ISBN 978-5-04-091455-5

Об этом человеке мало что известно широкой публике. Главное произведение его жизни ни разу не публиковалось за последнее столетие в полном виде, в то же время трудно сравнить с ним по мощи, смелости, силе выразительности какую-либо другую книгу, написанную о следовании за Христом в XX веке. Этот человек – архимандрит Спиридон (Кисляков), эта книга – «Исповедь священника перед Церковью». Анархист, бунтарь, чужак, бесстрашный миссионер, протопоп Аввакум XX века, мистик, нашедший на Первой мировой войне свой путь в Дамаск, обличитель, которого «после всего этого» пожалел и уберег патриарх Тихон... Забытое имя возвращается, великая книга о подлинной свободе во Христе выходит. Рассказ о своей миссии, о встречах с интеллигенцией в умирающей Российской империи, с пророками новой культуры в демоническом огне революции, работа среди каторжников, многочисленные драматические сцены войны, смерть, безумие, и посреди всего этого поразительные гимны к Господу, настолько искренние и сильные, что это звучит как откровение среди ужасов мира, откровение, которое «как бы трубным гласом» звучит и сейчас.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-091455-5

© Проценко П. Г., предисловие, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Проценко.

Откровение любви во время мировой бойни 7

ИСПОВЕДЬ СВЯЩЕННИКА ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ 27

Предисловие 29

I 31

II 52

III 106

IV 125

Сумасшедший офицер (В палате) 170

Сумасшедший доктор 176

Сумасшедший капитан (В палате) 180

Солдат буйносумасшедший 184

Священный Собор Православной Российской Церкви
всероссийским христолюбивым воинству и флоту 224

V. Святейшему Всероссийскому Церковному Собору:

Исповедь моей души 231

Послесловие 245

ПРИЛОЖЕНИЕ

Памяти архим. Спиридона

Две проповеди свящ. Анатолия Жураковского 257

Над гробом архим. Спиридона 259

После погребения архим. Спиридона 265

ПАВЕЛ ПРОЦЕНКО

ОТКРОВЕНИЕ ЛЮБВИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ БОЙНИ

Историческая Россия в результате крушения ее государственности в 1917-м году выпала из общеевропейского процесса переосмысления «неправд» т. н. христианской цивилизации. Опыт наших фронтовиков Первой мировой, часто израненных или психологически покалеченных, оказался на родине никому не нужным. Между тем один незаурядный русский монах, выходец из крестьян, бывший военный священник пережил на той первой тотальной мировой войне внутренний переворот. Он переродился как личность. В оставшийся ему отрезок земного пути он в своих делах утверждал правду Христа сострадающего, открывшуюся проповеднику во всей ее пламенной бескомпромиссности. Свои прозрения об этом первоизданном христианстве, о его трагедии в мире он сумел записать. И – в разгар Гражданской войны – даже издать небольшую часть своих рукописей. Свидетельство это произвело эффект разорвавшейся бомбы. По понятным причинам на родине его книги ожидало забвение, а на Западе их постепенно перевели на основные европейские языки. Теперь, через столетие после их выхода в свет, и наш читатель сможет прикоснуться к пронзительной исповеди бывшего крестьянского сына, ушедшего однажды из дома в поисках истины.

* * *

Поздней осенью 1916 года в Киеве на древнем Подоле состоялось знакомство двух необычайных людей. Их встречи, скорее всего, происходили и на Волошской улице, в помещении редакции журнала «Христианская мысль» (там же располагался и книжный магазин, принадлежащий редактору), и в доме на Боричевом Току, где жил его издатель.

Издатель, редактор, владелец магазина и профессор нравственного богословия в одном лице В.И. Экземплярский принимал у себя архимандрита Спиридона, прибывшего с Юго-Западного фронта.

В самом начале 1915 года архимандрит – согласно собственному прошению на имя протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского – был отправлен на Юго-Западный фронт военным священником. Идя добровольцем, он хотел понять, как должно относиться христианину к войне и вызываемым ею катаклизмам. В действующей армии он оказался в разгар Карпатской операции, в итоге которой русские войска потеряли около миллиона солдат (убитыми, ранеными и пленными). В мае того же года началось «Великое отступление» русской армии, продолжавшееся почти полгода.

В обязанности военного проповедника входило духовное окормление частей, уходящих в бой. В полевой церкви, часто просто на лесной поляне, служилась литургия, в конце которой православные воины причащались, затем произносилось наставление, после чего военные отправлялись на передовую. По приблизительным подсчетам архимандрита он в общей сложности причастил Святыми Тайнами «около 200 тысяч солдат», затем шедших «убивать христиан».

Кроме того, он был прикреплен к четырем военным госпиталям в городе Холм¹ (пока его не заняли немцы), к бригаде народного ополчения, к школе прапорщиков и к т. н. «Главному сборному пункту» (откуда части направлялись на передовую). По долгу службы ему ежедневно приходилось сталкиваться с большим числом людей, вырванных из мирной жизни и находящихся перед лицом смерти. Он выслушивал исповеди, ему постоянно изливали свои боли, страхи и переживания солдаты (по сути, крестьяне и крестьянские дети), офицеры, юнкера, бывшие студенты, военные врачи. Он сталкивался с людьми, физически и психически покалеченными войной.

Однажды, скорее всего в сентябре 1915 года, посещая части ополченской бригады, охранявшие железные дороги Юго-Западного края, отец Спиридон попал под бомбежку. На брюхе немецкого аэроплана был нарисован черный крест, из «продольной конечности которого» на землю, на русских солдат внизу, летели смертельные бомбы. Картина убийства, осененного высшим христианским символом, произвела на монаха угнетающее впечатление, сотрясла до глубины души. Позже он вспоминал: «Это был такой момент в моей жизни, когда меня, как личности, не было; я как бы в самом

¹ Здесь находилась ставка главнокомандующего фронтом Н.И. Иванова.

ужасе умирал, разрываясь на мельчайшие частички, которые куда-то исчезали, уничтожались, и меня не было, а был один страх и один ужас!»

Событие это стало поворотным в дальнейшей судьбе архимандрита. В то время ему было 40 лет. Он понял, что его райская, добрая, христианская жизнь окончилась 20 лет назад, когда он фактически вступил в клир Церкви, став псаломщиком: следующую половину своей жизни он счел потраченной на служение греху. Только сейчас в нем созрела окончательная решимость вернуться к «свободе Евангельской жизни» и уже не отступать от велений совести. Еще несколько лет ушло на то, чтобы прийти в себя и бесповоротно погрузиться в дело христианского служения.

Бомбы, сброшенные с немецкого аэроплана, дали архимандриту ответ на большой вопрос о христианском отношении к войне. Все предыдущие впечатления от военных будней мгновенно сложились в одну апокалиптическую картину, раскрывшую для архимандрита ту бездну, в которую попало цивилизованное человечество, позволив себя втянуть в первую мировую бойню. Он также осознал, что последние двадцать лет был невольным противником Христа, идя на поводу имперской политики огосударствления религии и Церкви.

Мировая война как вселенская катастрофа, как глобальный кризис христианства и цивилизации, как ослепление русских и европейцев банальностью зла и соблазном язычества, – вот то, что открылось военному священнику в разрывах бомб, а затем в лесном уединении, когда он окидывал внутренним взором свое прошлое и осмыслял причины собственного духовного плена. Он увидел себя в аду, в который пришел добровольно.

Этот новый важный опыт невольно делал архимандрита изгоем, поскольку его мысли и чувства входили в противоречие с настроениями подавляющего большинства идейных вождей тогдашнего русского общества. Не только политических и военных начальников, но и партийных активистов различных оттенков, а также деятелей культуры.

Картина складывалась парадоксальная. Вокруг себя архимандрит видел океан человеческого горя, отчаяния и потерянности. Бесконечный поток бедствий обрушился на «простых» людей, находившихся на самом низу социальной лестницы, а также на представителей других, более благополучных классов, оказавшихся на фронте и на деле столкнувшихся со своей беспомощностью перед массовым насилием. В то же время законодатели общественного

мнения, в том числе и руководители Церкви, взирали на происходящее с воодушевлением. Им виделось, что война оздоровит и Россию, и христианскую цивилизацию. И даже – преобразит человечество².

Архимандрит Спиридон (Георгий Степанович Кисляков, р. 1875) родом был из крестьян Рязанской губернии, из семьи вполне православной и бедной. Духовное напряжение в семье поддерживала очень набожная и добрая мать, а отец был «как все»: отличался порой грубостью, разговор его часто перемешивался с матерщиной. При этом их село Казинка Скопинского уезда в старину относилось к дворцовым владениям, здесь не было крепостного права в классическом его виде и имелись элементы местного самоуправления. Здешние крестьяне в годы детства и юности Георгия получали духовные наставления не только в местном приходе во имя великомученицы Параскевы, а и в общении с рядом своих односельчан, ревнителей веры, собиравшихся по домам и читавших Евангелие. Некоторые из них за эту ревность были сочтены церковным начальством неблагонадежными и отправлены в Сибирь.

Георгий Кисляков («Егорий», как звали его дома) окончил всего два класса церковно-приходской школы, главным итогом чего стало его пристрастие к чтению. Во многом его религиозную жизнь определяло общение с яркими представителями «народного православия»: полуюродивыми (а то и просто юродивыми) «людьми Божиими» и странниками. В 14 лет уйдя в Киев, этот «русский Иерусалим», он в итоге оказался в Андреевском монастыре на Афоне. Так началось его собственное длительное странничество. Годы жизни в монашеской республике (включая нахождение на афонском подворье в Константинополе) сменяются годами послушничества в Алтайской духовной миссии, пребыванием в Иерусалиме, Средней Азии (Бухара и Хива), Киргизии. Наконец в 1903 году в миссионерском Иргенском стане Забайкальской области, где он служил псаломщиком, его постригают в монахи и вскоре возводят в священный сан. После этого еще четыре года он сопровождает крестный ход по Забайкалью и проповедует среди народа. Со временем в круг его обязанностей стало входить и духовное попечение о заключенных Читинской тюрьмы (куда его зачислили священником) и Нерчинской

² Об имперском патриотизме духовенства в Первую мировую войну см.: Проценко Павел. Советские 1950-е глазами епископа Варнавы (Беляева) / «Дядя Коля» против...: Записные книжки епископа Варнавы (Беляева). 1950–1960 / сост., вступит. очерк, коммент. П.Г. Проценко. Нижний Новгород, 2010. С. 47–51.

каторги. В 1907 году его переводят в Юго-Западный край империи (нынешняя Украина).

Обо всем этом он рассказывает в книге, которую вы, читатель, держите сейчас в руках. Подробный же очерк его жизни (с учетом новых документальных находок), написанный автором этих строк, опубликован в 2017 году³. Здесь же необходимо отметить особенности внутреннего облика отца Спиридона, его интеллектуального и психологического типа.

С раннего возраста он погружен в гущу народной религиозной жизни с ее напряженным поиском правды и воспринимает видимый мир, как преддверие Царства Божия. В окружающем он всегда видит отражение высшего замысла Творца, пусть часто и искажаемого человеческими страстями и борениями. Молитва для него – органичный и важнейший элемент познания. Переживания его всегда глубоки и серьезны, заповеди Христа он воспринимает как откровение о единственно возможных путях прохождения через лабиринты земного мира. Он плакал во время проповедей и тут же резко обличал неправду, к которой был особенно непримирим.

Он много читал, стараясь быть в курсе актуальных проблем, будораживших церковную и светскую общественность. Его волновали личности Льва Толстого, священника Иоанна Кронштадтского и Оригена, ставшего в начале XX столетия популярным в интеллектуальных кругах. Представителей народного православия всегда привлекали известные современники, производившие на них впечатление своим моральным обликом, учением или жесткой критикой господствующего в обществе положения вещей.

Иеромонах Спиридон, несмотря на огромный круг своего общения (простолюдины, инородцы, инославные, каторжники, военные, собратья по духовному сословию) долго был духовно и интеллектуально одинок. Очень многое он понимал как бы наощупь, интуитивно, порой путаясь в интеллектуальных формулах при оценках того или иного явления. Чуткий к фальши и несправедливости, он 20 июля 1914 года, после оглашения высочайшего Манифеста о вступлении России в войну, сказал в проповеди: «Пока христиане будут вести войны, до тех пор они... не вправе называть себя христианами». И при этом общее мнение среды, патриотические лозунги, ссылки церковного начальства на примеры из жизни святых

³ Проценко Павел. К незакатному Свету. Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М., 2017. С. 205–236.

(известное благословение святым Сергием Радонежским монахов-воинов Пересвета и Осляби) заставили его попроситься на фронт.

После попадания под бомбы, сброшенные из немецкого аэроплана с крестом, в лесном уединении Спиридон внутренне осознал, что война, в которую Россия попала, как в капкан, есть погибель. Погибель для человека, которого та растаптывает в прах, унижая в нем образ Божий, война есть пагуба и для всего христианства. Когда-то юношей он пошел на служение в церковную миссию, считая, что таким образом откликается на призывы Евангелия к преображению себя и мира. Но оказалось, что пастыри Христовы переиначили Его заповеди, подчинив их интересам государства (а затем и собственным частным интересам, часто материального порядка).

Причину подобного положения вещей он находил (и здесь не обошлось без книжных знаний, приобретенных самоучкой) в симфонии между империей и Церковью, которая еще при римском императоре Константине Великом (272–337 гг.) превратила религию в удобный инструмент для манипулирования людьми. В результате христианство оказалось в порабощении у синедриона новых фарисеев, то есть христианского духовенства. Так увиделось архимандриту Спиридону, и он испытывал от этого отчаяние, так как понимал, что сам долгие годы служил лишь интересам своего сословия и кесаря. Он так же, как и его собратья, низводил евангельское учение «на степень государственной политической жизни с ее враждебными интересами против моего возлюбленного Христа». Позже отец Спиридон определил себя как «христианского анархиста», а «государственных христиан» (так называл он тех прихожан, кто посещал храмы в силу традиции или из-за боязни перед властью) считал орудиями фарисеев и лицемеров. Несколько лет спустя он писал (далее и везде ниже курсив мой. – П.П.): «Пастыри Христовы не должны знать абсолютно никакой государственной власти и тем более жертвовать ей своих христиан, *в качестве солдат*; ибо Христос никакому царю, никаким земным властям не вручал Своих христиан... Пастыри Христовы должны быть абсолютно *нищелюбивы* и бескорыстны. Они, как таковые, ни в каком случае не должны *продавать свое священническое пастырское служение и из религии Христа делать монетный двор*».

С такими чувствами архимандрит приступил к написанию собственной «Исповеди». Будучи человеком действия, он намеревался отослать ее членам Синода, чтобы объяснить им на своем примере, в какой духовной опасности находятся и они, и все другие члены

Церкви, которые, забыв о любви, заповеданной Христом, угрожают лишь законам этого мира и земного государства.

О его намерении становится известно церковному начальству, начинаются неприятности. В начале 1916 года в руки любознательного отца Спиридона попадает номер журнала «Христианская мысль», только начавшего выходить в Киеве силами энтузиастов: церковных, но при этом независимых, писателей, не подчиненных «Ведомству церковного исповедания». Имя редактора, В.И. Экземплярского, ему уже было знакомо по его богословским книгам и публицистическим статьям.

Он вступает с ним в переписку. Так состоялось знакомство архимандрита и богослова Василия Экземплярского⁴. К Василию Ильичу и обратился отец Спиридон за помощью в своем подавленном состоянии душевного разброда. Архимандрит и профессор были людьми сердечными и открытыми и вскоре подружились.

Именно Василий Ильич помог ему разобраться в себе, в своих настроениях и тяжелых мыслях. Молодежь, с которой в те годы часто общался — в христианском студенческом кружке — этот неординарный академический богослов, называла его между собой «дедушкой». Ему было тогда лишь немногим за сорок, но профессор поражал молодых людей не только глубокими знаниями, но и мудростью. В каком-то смысле он, прямой, сухопарый, с тонким лицом и благородной сединой в волосах, с почти не видящими глазами античного мыслителя производил впечатление хранителя животворного знания. Не мертвых сведений из мира древностей, но воды живой, которой этот равнодушный человек мог напоить жаждущих. Почитатели воспринимали его чуть ли не как старца. Он не только отечески «обласкал» опального пастыря, но убедил не обращаться в Синод, а подождать до созыва Поместного Собора, давно ожидаемого всеми ревнителями православной веры.

Ровесник отца Спиридона, Экземплярский родился в последние дни 1874 года. Он был младшим ребенком в семье известного киевского педагога и священника. Когда сыну исполнилось 9 лет, отец овдовел, вскоре принял монашество с именем Иероним и был возведен в сан епископа (умер в 1905 году, находясь на Варшавской кафедре). Василий родился почти слепым и в течение первых лет своей

⁴ Первый раз архимандрит Спиридон приехал в редакцию «Христианской мысли», но редактор был болен и отсутствовал. Тогда он написал ему письмо, получил ответ и в новый приезд познакомился лично.

жизни подвергся девяти операциям (потом последовали и другие). С двадцати одного года он долгое время страдал «воспалением сердца» и «ничего не мог того, что могут в эти годы». С ранних же лет все силы его были направлены на учебу: после духовной семинарии с отличием окончил Киевскую духовную академию. В 1901 году там же становится приват-доцентом кафедры нравственного богословия, а вскоре и профессором.

Уже накануне великой оттепели, увенчавшейся в 1905 году дарованной по воле царя Конституцией, одна за другой начинают выходить богословские и религиозно-философские работы Экземплярского, посвященные выяснению того, как различные стороны реальности соотносятся с евангельским учением. Он постоянно отмечает пункты расхождения текущей церковной доктрины с Нагорной проповедью. Внешне его богословие традиционно, основано на доскональном знании святоотеческого учения, догматов Церкви и аскетической практики ее подвижников. Его богословские и религиозно-философские работы пронизаны постоянным поиском путей воплощения христианских истин в жизнь. Не случайно в канун Февральской революции Николай Бердяев отмечал в одной из своих программных статей напряженность веры и богословия Экземплярского. Московский философ подчеркивал, что в книгах киевского профессора парадоксально сочетаются консервативное православие и мощное стремление к церковной свободе и демократизации Церкви.

Экземплярский считал, что к религиозной свободе должна привести реализация раннего христианского опыта, раскрепощая верующих и тем самым укрепляя их внутренне. Он выступал против смертной казни, ведя полемику с могущественными казенными богословами, оправдывающими ее. Он считал, что исторические условия, когда государство использует Церковь, заставили христиан приспособить заповеди своего Учителя к требованиям мира, приводя их к отступничеству от принципов веры. Церковь вынужденно благословляет войны, несправедливости, смиряясь с ними как с неизбежным злом. Но древние учителя благочестия считали иначе, следуя призывам Христа и разрывая с обычаями языческой римской государственности.

Экземплярский считал необходимой не только критику социалистического учения, но и умение видеть в его этической проблематике связь с первоначальным христианством (избавление от гнета внешней несправедливости).

«Социальный вопрос! как много заключено для нашего времени в одном этом слове, — писал Экземплярский, — сколько людей убеждено, что наша эпоха тем и замечательная, что на первый план жизнь выдвинула социальный вопрос». Отчего же толпы людей поверили в этот обман? — спрашивал профессор и отвечал: потому что вокруг себя они не видели примеров христианского поведения. Не видели, как христиане делом решают «больные вопросы» действительности. А если видели, то слишком неброские, робкие, слабые попытки, слишком ограниченные местом, временем, узкими возможностями делателей. Евангелие способно обновить все внутренние цели человека и ведет его не к справедливому механическому общежитию, а к любящему братству «отдельных совершенных личностей христиан». Только в таком единении человек может обрести успокоение сердца. Христианство принесло свободу и «христианская древность, в лице великих учителей Церкви, неопровержимо свидетельствует, что идея братства людей и на земле исповедовалась всею Церковью как радостное достояние христианского сознания». О братстве в Церкви мечтал профессор и призывал для этого начинать прямо сейчас с обновления прихода, с привлечения мирян к живому участию в приходской жизни, с преодоления отчуждения от Церкви ее последователей⁵.

С тревогой отмечал Экземплярский искаженное развитие отечественной богословской мысли. Нравственное богословие заражено превратным духом. Излагая христианскую доктрину, оно не стремится отразить само идеальное учение. В первую очередь нынешние православные моралисты ставят себе задачу «оправдать всеми возможными соображениями разума и всеми возможными текстами Слова Божия... действительно существующие и господствующие порядки жизни».

Размышляя о христианском отношении к собственности, о возможности на деле соблюдать евангельскую заповедь нестяжания, киевский профессор приходит к грустным открытиям. «Произошло страшное недоразумение в отношении к христианству значительной части современного общества, — писал Василий Ильич. — Всегда христианству было противно и враждебно то направление жизни, которое исходным началом ее делает эгоизм, заботу о себе, служение своим чувственным и себялюбивым влечениям. Но в одном прежде никто не упрекал христианство... — в его бесчувственности,

⁵ См.: Экземплярский В.И. Жизнь и Свет: Богословские беседы. М., 2009.

в равнодушии к людскому горю и нужде, в потворстве греху... Но теперь эти упреки обычны». Почему же религия любви, христианство, несущее радостную весть свободы «всем униженным и оскорбленным», стало восприниматься современниками как враждебное человеку, а «Церковь — защитницей того зла и неправды, какие царят в жизни»? Современные проповедники веры неумолимо искажают Евангелие и святоотеческое учение, приспособлявая «светлый, милостивый, полный безграничной любви и ласки» образ Христа к «нашему несовершенству и нашей неправде». Богословы и апологеты, стремясь оправдать порядки этого мира, сделали Спасителя как бы верховным покровителем вселенской неправды.

На фоне такой напряженной творческой работы случилось событие, изменившее внешнюю жизнь профессора. Весной 1912 года его статья «Граф Л.Н.Толстой и святитель Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых» вошла в сборник московского издательства «Путь», посвященный религиозным взглядам великого писателя. Богослов их критиковал, но при этом подчеркивал, что святой Златоуст и яснополянский мыслитель видели в Евангелии не теорию, а руководство к действию в обыденной реальности. Противники Экземплярского из числа высокопоставленных церковных бюрократов воспользовались этой публикацией и способствовали его увольнению из духовной академии.

Этим они не смогли прервать его богословское творчество, но невольно подтолкнули к большей общественной активности (он становится секретарем, а затем и председателем Киевского религиозно-философского общества), к проекту издания «Христианской мысли», вокруг которой затем создалось содружество единомышленников авторов.

Встреча Кислякова с Экземплярским принесла большие плоды. Впервые архимандрит нашел близких по духовной настроенности людей, которые смогли помочь ему сформулировать идеи, давно им ощущавшиеся как насущные. Более того, вскоре Василий Ильич помог ему обрести дело всей жизни.

Поняв всю необычность личности отца Спиридона, редактор «Христианской мысли» уговорил его надиктовать воспоминания. Публикация их началась в февральском номере журнала за 1917 год. «В этих воспоминаниях, — отмечал во вступлении Экземплярский, — выступает перед нами живая жизнь нашей родины». Большевицкий переворот на севере вызвал мятеж и в Киеве — журнал вынужденно перестал выходить в свет. Но в последнем,

12-м, номере было объявлено о предполагаемых публикациях на следующий, 1918-й, год. Редакция сообщала читателям, что продолжит печатать мемуары архимандрита Спиридона. Указывалось, что в случае окончания мировой войны будет выпущена отдельной книгой его же «Исповедь священника перед Церковью», посвященная «преимущественно описанию церковной работы на нашем Юго-Западном фронте со всем ужасом раздвоения христианского сознания священника-проповедника».

Публикация отрывков мемуаров отца Спиридона⁶, несмотря на то что проходила в исключительных условиях между февралем и октябрём 1917 года и надвигающейся Гражданской войной, была замечена читающей публикой. В далеком Нижнем Новгороде тридцатилетний иеромонах Варнава (Беляев), аскет и будущий епископ, делал из них выписки и использовал в своей работе как важное историческое свидетельство религиозного опыта современных подвижников. На «Записки русского миссионера» обращает внимание сотрудник Французской военной миссии в России католик (а вскоре и – надолго – «христианский большевик») Пьер Паскаль (значительно позже он переведет их на французский язык и издаст в Париже)⁷.

В августе в Москве начал свои заседания Всероссийский православный Собор, осенью на нем избирается патриарх. Наконец-то архимандрит смог послать на его имя свою наболевшую исповедь. Он просил патриарха ознакомиться с ней и зачитать членам Собора, надеясь, что те смогут выработать необходимые решения больных вопросов, поднимаемых автором⁸. Примечательно, что архимандрит отослал свой текст после того, как этот шаг был одобрен Василием Ильичем. Не исключено, что при всей своей многоопытности и искушенности в вопросах церковной политики профессор все же надеялся на идеальное развитие событий – на какой-то отклик: ведь там затрагивались взрывоопасные для всей Церкви проблемы.

⁶ *Спиридон, архим.* Из виденного и пережитого : Записки русского миссионера / Христианская мысль. Киев, 1917. № 2–10.

⁷ «Воспоминания сибирского миссионера» в переводе Паскаля (Pierre Pascal) вышли в Париже в 1950 г. В 2010 г. вышло дополненное французское издание (свключением в него «Исповеди священника перед Церковью»). В 1994-м издан немецкий перевод воспоминаний о. Спиридона из «Христианской мысли». А в 2010-м – английский.

⁸ «Исповедь», посланная на Собор, не была еще книгой, а представляла собой текст, который сейчас ее завершает и озаглавлен так: «Святейшему Всероссийскому Церковному Собору».

Однако Патриарх Тихон решил не зачитывать обращение военного монаха-проповедника, понимая расстановку сил среди соборян и господствующие среди них настроения. Текст «Исповеди» поначалу просто переслали в Херсонскую епархию, в которой формально числился архимандрит. Позже, в письме к Экземплярскому Патриарх передал свои пожелания архимандриту: «Благословляю его трудиться и быть полезным в Церкви Христовой».

Все эти события заставили отца Спиридона вовсе уйти из военного ведомства. В это же время его новые киевские друзья предложили ему принять участие в их давно вынашиваемом церковно-общественном проекте. Экземплярский и его единомышленники решили организовать общину нового типа, в которой новозаветные принципы будут осуществляться без компромиссов и в соответствии с духом апостольской эпохи и святоотеческих принципов. Восьмого октября 1917 года организационно оформилось «Братство Иисуса Сладчайшего». Лучшего кандидата на пастырское руководство общиной, чем отец Спиридон, трудно было представить. Его назначают председателем Братства. С этого момента архимандрит словно пробуждается к новой жизни.

Братство поначалу возникло на основе небольшого кружка культурных людей, собравшегося вокруг редакции «Христианской мысли» и Религиозно-философского общества. Из этого кружка отец Спиридон получил, в частности, активную помощницу Ольгу Прохаско, социалистку и талантливую христианскую писательницу. Один из членов РФО, настоятель «Железной» церкви на Галицком базаре отец Евгений Капралов, дал архимандриту возможность проповедовать в своем храме и заниматься миссионерством в приходе. Вскоре к тому стали обращаться за духовной помощью железнодорожники и члены их семей, жившие в этом районе, и уже в 1918 году неожиданно для всех бывший военный священник оказался во главе многотысячной активной рабочей паствы.

Ближайший друг пастыря впоследствии – на допросе в ОГПУ (23.02.1931 г.) – так описывал состав его новой общины: «Братство [«Иисуса Сладчайшего»] состояло из лиц, принадлежащих к всевозможным христианским исповеданиям. Здесь встречались и представители разных сект (евангелисты, баптисты), и даже католики. Преимущественно состояло „Братство“ из рабочих и их семей».

Архимандрит смог теперь направлять жизнь братства в соответствии с ценностями бескорыстного, «негосударственного христианства». Он, так же как и Экземплярский с его ближайшими друзьями,